

Видя, что старшекурсник поправляется, он радовался больше всех на свете. Позже Сяо Чжэ получил награду, а их фильм стал хитом. На праздновании в честь триумфа все напились, и он отвез Сяо Чжэ домой. Всю дорогу Сяо Чжэ то целовал его, то обнимал, а добравшись до квартиры, ни за что не хотел отпускать и принялся облапывать. Он, чье сердце и так все целиком принадлежало старшекурснику, не стал сопротивляться и отдал Сяо Чжэ свою невинность.

Ранним утром следующего дня не было и намека на теплую и нежную романтику. Столкнувшись с мрачным лицом Сяо Чжэ, он был вынужден с уставшим телом плестись обратно в свое жилище.

Три дня у него держалась высокая температура, а Сяо Чжэ за это время так с ним и не связался. Лишь на закате четвертого дня они встретились в небольшом саду за школой. Едва завидев его, Сяо Чжэ спроил, неужели он так сильно рвется прославиться, на что он ответил утвердительно. Сяо Чжэ снова поинтересовался, куда он пропал на целый месяц, но тот ничего не смог ответить — он не хотел спекулировать на своей помощи.

Однако он никак не ожидал, что Сяо Чжэ сунет ему контактные данные и скажет, что уже устроил для него роль в проекте, который гарантированно станет хитом, после чего жестоко избьет, бросит фразу: «Ты просто противен!» — и развернется уйти.

На следующий день Линь Цзэ бросил учебу. Он покинул место, нанесшее ему душевную и телесную травму, а вскоре тяжело заболел и исхудал до состояния ходячего скелета. Ради выживания ему пришлось колоть гормоны, и с тех пор он начал стремительно полнеть. Позже он сменил имя на Анди, а прежний Линь Цзэ исчез без следа.

В тусовке он то и дело слышал новости о Сяо Чжэ. Сначала это вызывало сильное волнение, но со временем он научился скрывать эмоции, пока наконец не очерствел окончательно. И только сейчас, услышав, что Сяо Чжэ затеял съемки нового сериала, он понял: если не набраться смелости и не встретиться с прошлым лицом к лицу, из его тени никогда не выбраться.

— Брат Анди, что с тобой? Почему у тебя такое страшное лицо, тебе где-то плохо? — Цзян Нин наконец заметил смертельную бледность Анди и очень встревожился.

Анди отмахнулся:

— Ничего, ничего, я просто перебрал, выплюсь — и все пройдет.

— Тогда иди отдохни сначала. Сяо Ли, проводи брата Анди в соседнюю комнату, а Ян-гэ побудет со мной.

Вернувшись в комнату, Анди лег на кровать с закрытыми глазами и тяжело выдохнул:

— Пришло время все отпустить.

Обладая инсайдерской информацией, Цзян Нин очень быстро заполучил возможность пройти прослушивание в «Великой Цинь».

— Брат Анди, сегодня мне вполне хватит Сяо Ли. У тебя в последнее время плохой вид, лучше останься и как следует отдохни.

Цзян Нин действительно сильно волновался: состояние Анди в последнее время оставляло желать лучшего.

Анди махнул рукой:

— Пустяки, на прослушиваниях в те конторы сегодня соберутся еще те акулы, брату нужно идти, чтобы поддержать твой боевой дух. А я в последнее время просто... хую.

— Ха-ха-ха, брат, хорош шутить, ты и так отлично выглядишь — внушительно и грозно, какая к черту диета, — беззаботно расхохотался неподалеку Сяо Ли.

— Ступай, ступай, ступай, посмотри на время, живо собирайся, когда ты уже поумнеешь и станешь посерьезнее?

Анди явно не хотел продолжать этот разговор и поспешил сменить тему.

Цзян Нин бросил на Анди взгляд, но больше ничего не сказал, хотя в душе зародились смутные подозрения.

Прибыв к месту встречи.

— Ого, а это чей боров с цепи сорвался и выбежал? Тьфу ты, просто позорище для общественного вида.

Едва Цзян Нин и остальные вошли в вестибюль, как раздался неприятный голос.

К ним виляющей походкой подплыл тощий мужчина среднего возраста в розовом костюме. Свита Цзян Нина полностью проигнорировала его, шагнув через холл вглубь здания.

— Не обращайтесь внимания, он просто специально цепляется. После того как Вэнь Юй задвинули, Лан Сю подписал какого-то новомодного айдола. Вы же прямые конкуренты, так что постарайтесь на прослушивании как следует, — наставительно произнес Анди.

— Не переживай, я все контролирую, — ответил Цзян Нин.

Того самого мужчину среднего возраста, который намеренно попытался завязать разговор, но был проигнорирован, звали Лан Сю. Это был тот самый менеджер, который увел Вэнь Юя из-под носа у Анди. Он вечно шел наперекор Анди, а после отправки Вэнь Юя в глубокий запас компания прикрепила к нему другого трендового артиста, и теперь он снова принялся повсюду суесться и задирает нос.

Они прибыли довольно рано. Сяо Ли отправился оформлять документы, а сам Цзян Нин и Анди решили подняться на лифте. В тот момент, когда двери лифта открылись, Цзян Нин шагнул внутрь, а Анди замер на месте.

— Брат Анди?

Услышав голос Цзян Нина, Анди наконец пришел в себя и сделал шаг в кабину, словно его ноги налились свинцом.

Внутри стоял человек в темных очках, лениво прислонившись к стене. Цзян Нин вежливо кивнул ему и нажал кнопку нужного этажа.

Заметив цифру, которую нажал Цзян Нин, незнакомец снял очки, выпрямился в полный рост и окинул их оценивающим взглядом.

Цзян Нин не обратил на это внимания: в шоу-бизнесе меньше всего стоило бояться чужих взглядов.

Двери лифта открылись, и этот человек, снова надев темные очки, первым шагнул наружу, оставив Цзян Нину лишь многозначительную улыбку и невероятно элегантную спину.

— Брат Анди, что с тобой? Тебе плохо? — Цзян Нин нахмурился, заметив бледность на лице Анди.

Анди глубоко вздохнул:

— Все в порядке, просто в лифте было душно, на свежем воздухе сразу полегчает.

С этими словами он вытянул Цзян Нина из лифта. Масштаб этого прослушивания был относительно небольшим: лишь немногие могущественные развлекательные компании обладали достаточными связями, чтобы получить инсайдерскую информацию. В последнее время в тренде был стиль ретро, и этот сериал практически гарантированно сулил успех любому участнику.

Хотя у Анди было широкое круг знакомств, после создания собственной независимой студии под его началом остался лишь один новичок по имени Цзянь Нин, и ресурсов стало меньше, чем раньше. Добиться этого прослушивания помогли связи Мяньмин.

Участников кастинга набралось немного, и у каждого была собственная гримёрка. Цзянь Нин сидел с текстом сценария в руках, внимательно изучая его, пока кто-то не сообщил, что его пора идти.

Войдя в комнату, Цзянь Нин вежливо поприветствовал присутствующих и поднял глаза. Тот самый человек в солнцезащитных очках из лифта сидел на месте главного судьи, а перед ним бросалась в глаза табличка с надписью «Режиссёр».

Внешность Цзянь Нина все сочли вполне удовлетворительной. Полноватый продюсер обратился к нему:

— Начинай.

Цзянь Нин пробовался на роль второго плана — Фу Су из телесериала «Великая Цинь». Будучи старшим сыном первого императора Цинь Шихуанди, он обладал талантом, дальновидностью и был редким по своим достоинствам человеком; люди называли его не иначе как благородный господин Фу Су.

В этот раз Цзянь Нин должен был разыграть сцену, где Цинь Шихуанди приказывает сжечь книги и закопать ученых заживо, а Фу Су изо всех сил пытается его отговорить.

Как только режиссер дал знак к началу, атмосфера в комнате мгновенно изменилась. Некогда миловидный юноша словно преобразился в благородного мужа с безупречной репутацией, от каждого движения которого веяло истинным аристократизмом.

Все присутствующие на площадке были очарованы его игрой, и в головах у них невольно всплыла древняя строчка: «Среди людей он что нефрит, равных принцу в мире нет».

Прослушивание прошло гладко, и было видно, что все остались крайне довольны его выступлением.

Вернувшись в гримёрку, Цзянь Нин застал там лишь Сяо Ли, который собирал вещи. Агента Анди поблизости не оказалось, и Цзянь Нин спросил:

— А где брат Анди?

Сяо Ли ответил:

— Ему только что звонили, наверное, он где-то неподалёку.

Цзянь Нин немного тревожился: в последнее время Анди выглядел откровенно плохо, а сегодня это бросалось в глаза сильнее прежнего. Он решил, что после окончания прослушивания силой притащит Анди в больницу, даже если придётся волочить его за собой.

В этот самый момент Анди находился в туалете.

Ему действительно было нехорошо. Несмотря на то, что он заранее настраивал себя, он никак не ожидал столкнуться с тем человеком прямо в лифте.

Его вытошнило так, что перед глазами поплыли круги. И вот, когда ему наконец стало лучше и он уже собирался толкнуть дверь кабинки, чтобы выйти, этот похожий на демона голос раздался снова. Анди затаил дыхание.

Голос Цзян Хэна произнёс:

— Что думаешь о выступлениях тех ребят?

Сяо Линь отозвался:

— Так себе. У того паренька из семьи Ланс неплохая внешность, но лицо деревянное — кто возьмет, тот дурак. А вот предыдущий ничего так.

Цзян Хэн уточнил:

— Тот новичок по имени Цзянь Нин?

Уголки губ Сяо Линя чуть приподнялись, а во взгляде промелькнул живой интерес.

Брови Цзян Хэна незаметно сошлись на переносице, но тут же разгладились. Он с нарочитой небрежностью бросил:

— Тебе не кажется, что он похож на нашего младшего сокурсника Линь Цзэ?

Сяо Линь на секунду замер у рамы зеркала, его зрачки сузились:

— Если мы друзья, больше не упоминай его имя. Меня от одного воспоминания тошнит. — С этими словами он резко выключил кран и вышел из уборной.

Спрятавшись в кабинке, Анди слышал каждый звук их разговора, и тело его забило в неудержимой дрожи. Это он! Это был он! Даже спустя столько времени Сяо Линь не желал позволять другим произносить это имя. Рана в душе, так и не успевшая затянуться, снова обнажилась, и эта боль едва не лишила его чувств.

— Брат Анди... Брат Анди, ты здесь? — раздался снаружи голос Цзянь Нина.

Цзянь Нин и Сяо Ли долго ждали его в гримёрке, и, не дождавшись, начали тревожиться. Телефон брата Анди не отвечал, поэтому Цзянь Ню отправился на поиски по всему этажу. Оказавшись у туалета, он случайно столкнулся с режиссером Сяо Линем и еще одним помощником режиссера, вежливо поздоровался с ними и продолжил поиски.

— Я... — Услышав голос Цзянь Нина, Анди собрал последние силы, распахнул дверцу кабинки и рухнул без чувств.

Подхватив потерявшего сознание агента, Цзянь Нин в панике вызвал скорую помощь, а затем позвал Сяо Ли.

...

— С ним ведь всё будет хорошо? — Сяо Ли нервно вцепился в руку Цзянь Нина, глядя на бледного Анди, лежащего в реанимационной капсуле, его голос дрожал.

Они летели в реанимационном катере больницы столицы. С помощью медицинского дроида Анди поместили в небольшую капсулу, но тот по-прежнему оставался без сознания.

Цзянь Нин успокаивающе похлопал Сяо Ли по руке:

— Не переживай, давай дождёмся заключения врачей. — Помолчав, он добавил: — Брат Анди в последнее время случаем не сталкивался с какими-то трудностями?

— А? Серьёзно? Вряд ли, — моргая, ответил озадаченный Сяо Ли. — Наверное, это из-за диеты, на которой он в последнее время сидел?

Бросив взгляд на Анди, который даже в бессознательном состоянии хмурил брови, Цзянь Нин почувствовал, что тревога на сердце только усилилась:

— У брата Анди точно нет каких-то тяжёлых мыслей на душе?

Сяо Ли почесал затылок:

— Если подумать, то вроде бы... Последние пару дней я то и дело замечал, как он сидит в обнимку со старым альбомом фотографий и смотрит в пустоту, а глаза у него вечно опухшие. Каждый раз, когда я спрашивал, он отвечал, что просто не выспался. Но теперь, пожалуй, и правда похоже, что что-то не так. Получив от Мин Яна весточку, Цзянь Нин с головой погрузился в изучение сценария. Теперь, оглядываясь назад, он немного жалел, что упускал из виду людей вокруг: Энди заботился о нем и переживал за него совсем как старший брат. А когда он увидел Энди в таком жалком состоянии прямо в туалете, это по-настоящему его напугало, оставив на душе тяжелый, горький осадок.

Цзянь Нин попытался вспомнить все, что произошло в последнее время: Энди с застывшим лицом после прямой трансляции, странности сегодняшнего утра перед выходом и в лифте, а

еще те двое, которых он встретился у входа в туалет. В его сердце закралось смутное подозрение.

Цзянь Нин открыл коммуникатор и нажал на самое первое имя в списке.

Вызов соединился мгновенно, и оттуда донесся прохладный и уверенный голос:

— Сяо Нин?

— Это я, Ян-гэ, можешь мне помочь?

Увидев на экране маленького юношу, сидящего в медицинском реанимобиле, Мин Ян мгновенно напрягся:

— Что случилось? Ты где сейчас?

Цзянь Нин поспешно ответил:

— Энди-гэ стало плохо, мы едем в больницу, но у меня есть еще одна просьба.

Узнав, что с младшим все в порядке, Мин Ян немного успокоился:

— Хорошо, какое дело? Говори.

Поскольку речь шла о личных вещах, Цзянь Нин переключил коммуникатор на браслете в режим текста и голосовых сообщений.

Вспомнив серьезное выражение лица Цзянь Нина, с которым тот отправил ему сообщение, Мин Ян, несмотря на некоторое удивление, все же рассказал все, что ему было известно.

Изящные пальцы легко поглаживали коммуникатор на запястье, выражение лица Мин Яна оставалось прежним, но в мыслях он гадал, что же именно произошло.

Завершив вызов, Мин Ян все же вызвал Эйми и поручил ей проверить обстановку на сегодняшних пробах.

Промучившись весь день, Энди наконец пришел в себя: его пухлое лицо казалось слегка осунувшимся, а сам он выглядел истощенным и подавленным.

Выпроводив Сяо Ли и медицинского робота, Цзянь Нин посмотрел на изможденного Энди на больничной койке и мягко спросил:

— Энди-гэ, мы ведь как семья. Я очень переживаю, когда ты так себя чувствуешь. Не мог бы ты

рассказать, что же в конце концов произошло?

Подняв глаза на серьезного Цзянь Нина, Энди горько улыбнулся, в груди кольнуло острой болью, но он не знал, с чего и начать.

Пробыв в прошлой жизни агентом столько времени, Цзянь Нин был бы просто никудышным специалистом, если бы, сопоставив последние события, не заметил никаких зацепок. Он пристально заглянул в глаза Энди:

— Это из-за Сяо Чжэ?

Услышав это имя снова, Энди напрягся всем телом и задрожал, не в силах сдержать дрожь. Цзянь Нин подошел, обнял его и мягко похлопал по спине:

— Все хорошо, все хорошо. Выговоришься — станет легче, расскажи мне всё, ладно?

Через несколько минут Энди наконец совладал с эмоциями и глубоко вздохнул:

— Сяо Чжэ — мой старшекурсник из университета и моя первая любовь.

Слова Энди прозвучали ошеломляюще.

Цзянь Нин слушал со всем вниманием, наблюдая, как Энди погружается в тяжелые воспоминания.

— Тогда мы были молоды, без оглядки бросившись в омут любви с головой, но никак не ожидали такого исхода. — Энди прислонился к изголовью кровати, его круглое лицо выглядело уставшим.

Исход был очевиден: они не остались вместе, а теперь Энди дошел до такого состояния. Цзянь Нин тихо сидел рядом, глядя на едва порозовевшее лицо Энди, и тихо спросил:

— Неужели он тебя узнал?

Энди криво улыбнулся:

— Да как такое возможно? Сейчас в его глазах я, наверное, просто жирная свинья.

Цзянь Нин очень хотел расспросить о том, что именно произошло в туалете, но не успел он раскрыть рот, как Энди сам озвучил то, что он хотел услышать.

— Прошло десять лет, а я и представить не мог, что в его глазах от начала и до конца оставался отвратительным человеком. — Голос Энди слегка дрожал. Сдерживая подступающие эмоции, он пересказал Цзянь Нину разговор Сяо Чжэ и второго режиссера, который подслушал

в уборной.

Глаза Энди слегка покраснели:

— Сяо Чжэ был моим старшекурсником. Он невероятно талантлив: еще во время учебы он затежал съемки фильма, и тогда многие у нас в университете с энтузиазмом включились в работу, а мне посчастливилось получить главную роль.

Цзянь Нин когда-то наводил справки о режиссере Сяо Чжэ. Он знал, что его дебютная лента называлась «Очаровательные времена» и была признана выдающейся работой. За этот фильм режиссер удостоился премии как лучший режиссер-дебютант года, а исполнитель главной роли в одночасье взлетел на вершину славы, хотя, к сожалению, сыграл лишь в той единственной картине и канул в Лету.

— Как такое... — Цзянь Нин был поражен. Главный герой фильма был изящным юношей, в то время как Энди-гэ — настоящий, неподдельный толстяк.

Он помнил фотографии Энди восьмилетней давности, когда тот только устроился на работу. Что же произошло за тот неполный год?

— Человек, которым я восхищался больше всего в те годы, был старшекурсник. Я тайком был в него влюблен, и когда меня утвердили на главную роль, был просто на седьмом небе от счастья — наконец-то появилась возможность открыто приблизиться к старшему. Самым радостным моментом в то время было слушать, как он разбирает со мной сцены. — Взгляд Энди устремился в окно, пытаясь ухватить ускользающие образы прекрасного прошлого.

— Эх...

— Когда съемки подходили к концу, старший тяжело заболел. Лейкоз — не приговор, но у него оказалась редкая генетика, и сколько пришлось бы ждать подходящего костного мозга или гемопоэтических стволовых клеток, никто не знал. Тогда меня ударила в голову горячая волна, и я, ни слова не сказав семье, пошел сдать анализ. К моему удивлению, я подошел. Когда я узнал, что мои стволовые клетки могут спасти старшего, я был искренне счастлив.

— Врачи сказали, что для повышения шансов на успех операции мне прежде всего нужно восстановить собственный организм, поэтому я взял месячный отпуск на съемочной площадке. К счастью, операция прошла успешно, позже старший вернулся к работе, и фильм благополучно завершили. Видя полного сил и энергии старшего, я был невероятно рад.

— На банкете по случаю окончания съемок все были очень веселы, и я вызвался проводить перебравшего лишнего старшего домой. В тот вечер он обнял меня, а я не оттолкнул. И когда мне уже казалось, что я тоже ему небезразличен, меня вдруг позвали на улицу.

На этом моменте Энди замолчал. Его пальцы судорожно вцепились в одеяло, а из уголков глаз

медленно покатались слезы.

— Он вывел меня наружу и заявил, что устроит мне роль в верном блокбастере. А потом не только избил меня, но и бросил, что больше никогда не хочет меня видеть и что я вызываю у него лишь омерзение.

— Тогда я совершенно потерялся, не понимая, за что со мной так поступили. Наверное, все дело было в том вечере, из-за которого я показался ему противным. В тот миг до меня дошло: он по-настоящему меня ненавидит.

— После этого я ушел. Сбежал из университета и забился в одиночестве в самый глухий уголок окраинной системы. Те дни были настолько мрачными... Я даже не знаю, как сумел выжить, каждый день барахтаясь между болью и отчаянием.

— Позже у меня началась тяжелая депрессия, я исхудал до состояния ходячего скелета, казалось, еще чуть-чуть — и я умру. Потом соседи отвезли меня в больницу, где назначили гормонотерапию. В итоге я превратился в огромного толстяка, которого родная мать с трудом узнает.

Цзянь Нин слушал молча. Он мог живо представить себе то отчаяние, которое испытал Энди, отвергнутый любимым человеком. О причинах столь резкого похудения Энди почти не говорил, упомянув лишь депрессию, но если в конце концов даже капсула регенерации не помогла и пришлось выживать на инъекциях гормонов... Каково же было пережить столько боли и безысходности.

Цзянь Нин сжал руку Энди:

— Тебе следовало рассказать мне об этом раньше.

Энди покачал головой:

— Это отличная возможность, и рекомендация обладателя кинопремии безошибочна. Я просто не хотел портить тебе дело своими проблемами, поэтому и молчал. Постараюсь справиться. К тому же... кто теперь в таком виде меня узнает?

И правда, нынешний Энди и тот миловидный юноша из прошлого были двумя совершенно разными людьми, и отыскать между ними сходство казалось задачей невыполнимой. Прокрутившись в этой индустрии столько лет, Энди и Сяо Чжэ хотя и не пересекались на съемочных площадках, но в прошлом их пути все же слегка соприкасались. И если бы не случайный разговор, пробудивший воспоминания, его бы это так не задело.

Заметив твердую решимость во взгляде Энди, Цзянь Нин вздохнул и не стал настаивать:

— Ладно, в этот раз я выжму из себя максимум ради роли. А если вдруг пройду пробы, рядом останется Сяо Ли. Отдыхай пока.

Видимо, многолетняя тяжесть наконец сорвалась с души, и Энди, почувствовав внутреннее расслабление, быстро заснул. Цзянь Нин поправил ему одеяло и вышел из палаты.

Результаты проб оказались вполне ожидаемыми, и кинокомпания пригласила Цзянь Нина на подписание контракта. Вот только сам процесс заключения договора обернулся сплошной головной болью.

На встрече неожиданно объявился второй режиссер, который вообще-то не должен был заниматься контрактами, и подсунутый им документ оказался возмутительным.

Мало того, что гонорар предлагался мизерный, так еще и требования выдвигались кабальные. В частности, все опасные трюки вроде падений с лошади или прыжков с обрыва он должен был выполнять исключительно сам, без дублера. Для подобных рискованных сцен обычно привлекают профессиональных каскадеров, а актер без спецподготовки легко может покалечиться или даже остаться инвалидом. Цзянь Нин, разумеется, не мог согласиться на такие условия.

Тот недвусмысленно давал понять, что юноше лучше добровольно отказаться от роли Фусу, и теперь Цзянь Нин полностью раскусил его намерения.

Второй режиссер по имени Цзян Хэн, видя, что долгие переговоры ни к чему не ведут, сослался на предлог и вышел, оставив Сяо Ли продолжать словесную перепалку с остальной командой, а сам Цзянь Нин бесшумно следовал по пятам.

Здесь определенно кроется подвох!

Этот второй режиссер Цзян Хэн был как раз тем самым человеком, с которым Цзянь Нин столкнулся у туалета перед тем, как Энди потерял сознание. Говорили, что он учился с Энди в одном университете и даже играл вторую мужскую роль в той самой ленте Сяо Чжэ.

С виду Цзян Хэн казался утонченным интеллигентом, но от него веяло неприятным холодком, создавая ощущение какого-то рафинированного негодяя.

Странно: пробы пройдены честно, но вокруг плетутся интриги — тут явно пахло грязной игрой.

И действительно, он заметил, как Цзян Хэн свернул в служебную комнату для отдыха на этом же этаже, где его уже поджидал заклятый недруг Энди — Лэнс.

— Ну что, уладил? — нетерпеливо бросил Лэнс.

— Не так-то просто, этот парень оказался слишком ушлым, на удочку не идет, — отозвался Цзян Хэн.

— А ведь ты уверял, что плевое дело!

<http://bllate.org/book/21219/2147248>